

Нет хищника опаснее, чем человек

По данным литературного комитета за 2021 год в России было продано ~1500 ИП «Сексуальное преследование», это без учёта электронной версии. Чаще всего этот ИП спрашивают девушки, но есть случаи, когда им интересуются и мужчины.

Хищническое поведение — острая тема, которая может затронуть любого участника сообщества. Более того, вопрос хищничества не ограничивается сексуальным преследованием.

Какие последствия преследуют хищников и их жертв? Как можно возместить нанесённый ущерб? Мы постарались рассмотреть проблему максимально широко и подробно разобрали опыт жертв и хищников.

Мы никого не осуждаем и не критикуем. Каждый из нас может оказаться в любой из двух ролей, и для сохранения единства АН нам важно помнить об этом. Статья будет полезна новичкам и зависимым с разными сроками чистоты. Опыт, которым поделились герои нашей статьи, может кому-то очень пригодиться.

ВЗГЛЯД ЖЕРТВЫ

Опыт преследования

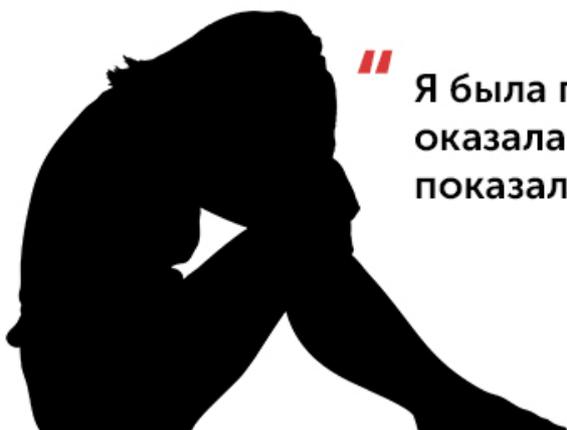
Аноним: «Я пришла в сообщество после многих лет употребления, подавленная, напуганная, уставшая, недоверчивая. Опыта отношений в чистоте, можно сказать, у меня не было. Я не знала, что такое Анонимные Наркоманы, как тут всё устроено, чем живёт это сообщество. У меня было около десяти дней чистоты, когда я решилась раскрыть рот на собрании и высказаться. Я очень боялась, не знала, что говорить и зачем это нужно, говорила сумбурно, невнятно, в конце сказала, что я очень напугана и не знаю, как дальше двигаться. После собрания ко мне подошел анонимный (к слову, у него на тот момент было 8 лет чистоты) и сказал: «Поддержка тебе! Всё наладится, не переживай!» И так заботливо и ласково смотрел на меня, как давно уже не смотрел никто. Мы обменялись телефонами.

В тот же вечер он позвонил, и мы очень мило и спокойно побеседовали. Через пару дней он начал называть меня «новичиха» и при этом громко смеяться. В беседах он проявлял участие к моей жизни, интересовался моими делами и душевным состоянием. Для меня это было очень непривычно, так что я неверно истолковала его «участие». Через несколько дней я оказалась у него дома. Я была потеряна, одинока, и, когда я оказалась в его объятиях, мне показалось, что я под защитой. Но уже вечером, уходя от него, я ощутила нутром, что меня сейчас «употребляют».

Вова: «У меня в какой-то момент было шаткое финансовое положение — были долги за квартиру, за коммуналку, постоянно не хватало денег. Я часто ходил на большие группы и общался с анонимными. У меня было 7 лет чистоты. Я очень доверчивый, доверяю всем анонимным, и вот ко мне обратились впередиидущие анонимные, причём это были люди, которых зовут спикерить, которые постоянно на виду, которые всё время говорят про выздоровление.

Они мне говорят: «Слушай, у нас там фирма есть без директора, простаивает, нам нужен любой человек, чтобы просто номинально стал директором, тебе ничего не нужно будет делать, мы тебе будем платить каждый месяц за это». Я так обрадовался, не распознал подвох и подумал: «Наконец-то Бог решил отдать мне должное». Так я стал директором, а потом, через какое-то время, я столкнулся с тем, что надо врать. Мне сказали, надо поехать в банк и открыть счёт, сказать вот это и то, в общем,

попросили сказать неправду. Мне сразу стало как-то некомфортно, и я понял, что это какая-то афера, и в тот момент, конечно, передо мной встал выбор. Я понял, что это афера, но я подумал, что я с этим справлюсь, что все так живут, это взрослая жизнь».

“ Я была потеряна, одинока, и, когда я оказалась в его объятиях, мне показалось, что я под защитой. “

Последствия

Аноним: «После нашей первой встречи он стал очень навязчивым, почти агрессивным. Постоянно звонил, писал, настаивая на сексе, общался резко: «Быстро, я сказал! Сюда иди!» Когда мы сталкивались с ним на собраниях, смотрел на меня надменно, задрал подбородок, будто сканировал взглядом. В его взгляде постоянно присутствовала насмешка и подавление, как будто он был уверен в том, что я — его вещь, которую можно использовать по желанию. Задавал темы на собраниях, связанные с сексом, личными границами, и когда он высказывался, я понимала, что его слова адресованы мне. Не исключено, что в комнатах присутствовали и другие девушки, попавшиеся на его участливый взгляд. Мне было стыдно и страшно обсуждать эту тему с кем-то, я была новичком и боялась всего, что меня окружает».

Вова: «У меня очень сбиты ориентиры в том, что касается работы, грубо говоря, для меня вся сфера работы — это что-то непонятное. И я примерно месяц был директором, но мне становилось всё хуже и хуже. Я ловил себя на ощущении, когда высказывался, будто предал всех и не имею права тут присутствовать. Какое-то чудо и лёгкость они у меня украли, эти товарищи.

Потом, через какое-то время, я очень чётко понял, что я не хочу так, я хочу получить обратно лёгкость беззаботность. Я захотел выздороветь, не испытывать этих чувств и не наносить ущерба никому и нигде. Я обратился к нему, сказал, что не хочу больше быть «директором», меня сняли с должности. Правда, меня очень долго уговаривали остаться, но я был непреклонен. Где-то месяца через два у меня были неприятности, меня искала налоговая полиция, они ходили ко мне домой. Я поменял номер телефона и несколько недель жил в очень сильном страхе, но потом всё закончилось».

Восстановление

Аноним: «Мне довольно трудно было пережить этот прессинг, который продолжался почти полтора месяца, я почти сломалась, боялась возвращаться на собрания, чтобы не столкнуться с ним снова. Его номер я заблокировала, и, к счастью, он исчез из поля зрения, возможно даже уехал из города. Сегодня я уже не боюсь с ним встретиться, я умею держать личные границы и не позволять обращаться с собой как с вещью. Сегодня я знаю, что за участливым выражением лица может скрываться хищник, одержимый своими внутренними демонами. Надеюсь, у него всё хорошо, и он получил то, чего хотел».

Вова: «Конечно, я обсуждал всё со спонсором. Тут у меня много чего было: первое, я действительно не знал, куда я пошел. Второе, я вовремя принял решение перестать быть директором до того, как начались неприятности, то есть именно потому, что я хотел духовности. Это важный момент, и я особо вины и угрызений совести не чувствую. Кстати, я до сих пор вижу этих людей, они ходят на собрания как ни в чём не бывало. Если бы я, прежде чем туда пошел, побольше советовался с близкими, мне кажется, я бы избежал той ситуации».

“ Если бы я, прежде чем туда полезть, побольше советовался, мне кажется, я избежал бы той ситуации.

“

ВЗГЛЯД ХИЩНИКА

Опыт преследования

Оля: «Когда я пришла в сообщество, меня хорошо встретили. Что девочки, что мальчики на группе были ничего такие. Я бисексуалка, и присмотрела для себя разных ребят. И где-то с этого момента начались мои злоупотребления своими сексуальными развлечениями, я начала в какой-то степени замещать наркотики.

Мне приглянулись пара мальчиков и девочка. Я сразу поняла, насколько просто на них влиять, насколько просто их контролировать. Мне особенно это нравилось, потому что в обычной жизни сложно было найти таких вот людей. Одной девчонке я купила кофе, и я почувствовала, что она считает себя обязанной всю жизнь мне отплачивать за это. В общем-то, я активно этим пользовалась. Это были небольшие подарки: я оплатила ей такси, купила серёжки — минимальные затраты. При этом я видела, как человек полностью растворяется во мне. Потом она мне надоела, я ей сказала, чтобы она отстала от меня.

И тогда она начала меня преследовать, поджидать у дома, кидать камушки мне в окно. Она мою машину побила — это было страшно, но это меня не остановило. Потом у меня появился мальчик, я помню этот ужасный момент, это было у группы, в глухом месте на Речном вокзале. Он пришёл к этой группе и начал резать себе лицо лезвием, чтобы я вышла к нему. Сейчас я

могу посмотреть на это с ужасом. А что было со мной тогда? Я смотрела на это с восторгом. Я подумала: «Блин, вот это власть!» Вот тогда, наверное, я поняла, что сам секс был мне не так важен. Мне было важно ощущение власти над человеком, мне кажется, этим и определяется хищническое поведение. Поиск силы и понимания, что это моя жертва, я могу сделать с ней, что хочу. Никакие доводы моих старших товарищей по выздоровлению на меня не действовали. Потому что ребята видели, что я творю. Надо отдать должное, меня никто не гнобил, никто не обижал, никто не выговаривал. Ко мне только с настороженностью относились».

Жанна: «Я и моя подруга, мы обе были молодые, одинокие и уже немного впередиидущие в АН. Мы приходили на группу знакомиться, я красилась, тщательно выбирала, что надеть на собрание, как будто я иду на какое-то мероприятие.

После собрания всегда обычно люди куда-то ходили пить чай, и мы всегда ходили, всегда с кем-то кокетничали, обычно с новичками, потому что им обычно некуда пойти после собрания, их кто-то куда-то водит. И вот я была тем человеком, который куда-то водил. Часто это заканчивалось тем, что мы ехали ко мне или к подруге с какими-то ребятами, иногда там оставались на ночь.

Моя позиция была такая: чего ещё желать мальчику абстиненту, кроме как симпатичной энэевки. Я была убеждена, что поскольку они мужчины, а я женщина, я не могу никому нанести ущерб, потому что типа в этом мире это не так работает, если б было наоборот, тогда это был бы ущерб. Но сейчас у меня другая позиция на этот счёт: я считаю, не важно кто из нас какого пола, на мне, как на человеке впередиидущем, какое-то время выздоравливающим, имеющим устойчивую трезвость и зачатки здравомыслия, есть ответственность. Мне важно ходить в сообщество нести весть, ходить передавать свой опыт, а не заниматься каким-то соблазнением или даже обоудно приятным времяпрепровождением».

“ Не важно кто из нас какого пола, на мне, как на человеке впередиидущем, какое-то время выздоравливающим, имеющим устойчивую трезвость и зачатки здравогомыслия, есть ответственность “

Последствия

Оля: «Я помню, когда выходила эта брошюрка про сексуальное преследование, я тогда сказала, что надо сделать картинку, где парень подкатывает к девочке-новичку, а потом, спустя два месяца, он стоит, держась за голову, около своей горячей машины. Это была бы очень неплохая профилактика, потому что мы представляем это как «новичок сорвётся и уйдёт». Да, возможно, он сорвётся, но этот хищник на собственном опыте прочувствует и огребёт от этой жертвы.

Я дошла до днища к Третьему Шагу, в четвёрке я стала прописывать свою сексуальную сферу и до этого момента не признавала свою вину. Я говорила, что никого не принуждала. И так оно и было, но сейчас я могу честно сказать, что пользовалась этими людьми в угоду своим эгоистичным желаниям, чтобы получить удовольствие и ощущение власти. Оно до сих пор мне нужно. Я знаю, что те, кто склонны к этому, они меня поймут. Но не у всех болезнь проявляется именно в этом направлении.

В пятёрке я признала, что в этих случаях моя ответственность тоже есть, что это не просто так. А я винула этих ребят, которые не оставляли меня в покое. Более того, прошло семь лет, и меня не оставляет один мальчик. Он как напоминание мне: «Оля, хватит, не подходи ни к кому, не разговаривай, особенно к новичкам, это опасно».

Жанна: «Однажды я поехала на юбилей, у меня тогда было полтора года чистоты, и туда привезли пациентов реабилитации. Там был парень,

которому я понравилась, он мне понравился — очевидно взаимная история. Я ему оставила свой номер телефона, и через неделю после этого юбилея он мне позвонил, сказал, что сбежал с этой реабилитации, он там больше лежать не собирается, и он будет ходить в сообщество, и не могла бы я показать ему московский энэй. И я согласилась, оправдывая решение программной историей из серии «блин, чувак хочет выздороветь, я сейчас на группу его свожу, покажу ему всё».

На самом деле, это всё неправда. У меня был к нему интерес, в том числе сексуальный, я была рада с ним встретиться и удовлетворить этот интерес. У нас быстро закрутился роман, продлился он недолго, месяц или два. А потом я поняла, что все сферы поплыли, выздоровление захромало, учёба отошла на второй план — весь фокус сдвинулся на этот безумный роман. Сразу же в голове стреляет идея: «Надо этот роман заканчивать, потому что зачем оно нужно, ведь всё что меня интересовало, я уже получила. Мне нужно заботиться о себе, правильно расставлять приоритеты». Видимо, на тот момент мне не нужны были отношения и не хотелось в них вкладываться.

Вернувшись вечером домой, я объявила молодому человеку: «Давай-ка мы разбежимся». Просто поставила его перед фактом, типа «давай пока». Чувак слетел на следующий день и в сообщество так и не вернулся. Поначалу меня это очень мучало, понятно, что у меня было чувство вины, я как-то пыталась не брать на себя эту ответственность. Но вот прошло 15 лет с тех пор, и я помню эту историю, для меня она показательная. Я считаю, что к людям в целом надо относиться бережно, и к новичкам, которые приходят в наше сообщество, тоже нужно относиться бережнее. История этого парня потом продолжилась, в сообщество он так и не вернулся, поддерживал отношения с одним из моих анонимных товарищей, поэтому я знаю, чем всё закончилось. В итоге он сел в тюрьму за наркотики, отсидел, потом вышел, продолжил употреблять и умер.

“ Я считаю, что к людям в целом надо относиться бережно, и к новичкам, которые приходят в наше сообщество, тоже нужно относиться бережнее. ”

Возмещение

Оля: «Я со многими связывалась, в Восьмом Шаге прописывала. Только есть один человек, которого мой спонсор сказал оставить в покое. Пусть он ушёл, он в другом городе, не трогай его. С теми, с кем могла, я связалась, разговаривала, сожалела о своём поведении, просила Бога, чтобы он придал мне сил возместить ущерб. Я чувствовала стыд и вину перед этими ребятами. Когда я шла к ним с девяткой, я была совершенно искренна в своём стремлении загладить вину. И я не знаю, может быть когда-нибудь моё поведение повторится, но прошло достаточно много лет, я веду скромный моногамный образ жизни. Я очень рада, что это всё меня отпустило, потому что жить так вот, в роли этого хищника, ненамного лучше, чем жить в роли жертвы. Это также мучительно, это опасно и очень нервирует. Я благодарна программе за то, что мне удалось пересмотреть концепцию своей личности и устремлений. На сегодняшний день у меня всё стабилизировалось, и я хотя бы вижу свои ошибки».

Жанна: «В какой-то момент мне стало казаться, что это «зашквар» себя так вести, и я стала пытаться это поведение скрывать от окружающих, скрывать от анонимных, потому что чистоты у меня становилось всё больше, а поведение не менялось. И когда у тебя полтора года, то роман с новичком — вроде это ещё нормально. Но когда у тебя пять лет, а у него две недели, уже становится странновато. Было понимание, что это какая-то нездоровая история, но не было достаточного уровня здравомыслия, чтобы изменить поведение и передавать свой опыт, перестать заниматься этим.

Было пару людей, перед которыми я потом извинялась. Но я не делала «жертвам» девятки, потому что обсуждала с наставницей эту историю, и мы не пришли к решению, как можно такой ущерб возмещать. Для меня важно не совершать эту ошибку снова, не продолжать это. Сложно сказать, хватило бы у меня сейчас здравомыслия на это, если бы я не была так счастлива в браке, если бы не было детей. Если представить себя снова одинокой девушкой, хватило бы мне здравомыслия так не поступать? Я надеюсь, что да. Бог пока не дал мне возможности проверить, надеюсь, что без этого обойдётся».

Над статьей работали:

***Коля Ч. (корреспондент), Коля (зам. редактора), Денис (дизайнер),
Лёша (техник), Арина (волонтёр), Настя (волонтёр), Полина (редактор)***